

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОБЩНОСТИ

Молчанов Д.В.

DOI: 10.7256/2222-1972.2014.3.13761

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

К вопросу адаптации западных культурных ценностей в России

Аннотация: В статье рассматривается проблема возможности заимствования и встраивания западных моделей развития в российскую культуру с точки зрения адаптации базовых мировых национально-культурных ценностей. Автор сопоставляет ценности, преобладающие в тех или иных ареалах политической карты мира, и, отталкиваясь от этого, анализирует полисемантическое восприятие патриотизма в современной русской культуре. Отдельно в статье рассматриваются ценностные конфликты и разделения, существующие в современном российском обществе, и на основании такого взгляда делается вывод о невозможности его поступательного развития в условиях идеологического монизма. Разбираются концепции известных западных ученых, в работах которых был заявлен и получил развитие цивилизационный подход. Также дается новое истолкование старого культурно-цивилизационного спора славянофилов и западников применительно к актуальной повестке цивилизационного развития. Автор объясняет, почему этот старый спор получил в наше время новое звучание, интерпретирует его сегодняшние акценты, показывает сложный и противоречивый процесс сопряжения данной дискуссии со всем предыдущим ходом истории России.

Annotation: The article examines the question of adoption and incorporation of Western development models into Russian culture from the point of view of the adaptability of basic global national-cultural values. The author compares the values predominant in one or another area of the political map of the world and, based on that, analyzes the polysemantic perception of patriotism in modern Russian culture. The article separately studies the conflict and division of values that exist in contemporary Russian society and on the basis of that outlook comes to the conclusion of the impossibility of its forward development in the framework of ideological monism. The author analyzes the concepts of renowned Western scholars, who stated and developed the civilizational approach in their works. As well, the author gives a new interpretation of the old cultural-civilizational debate between the Slavophiles and the Westernists in the light of the current state of civilization development. The author explains why this old debate has found today a new voice, construes its modern emphasis, and illustrates the complex and contradictory process of entailing this discussion with all the previous development of Russian history.

Ключевые слова: патриотизм, свобода, реформы, традиции, столкновение цивилизаций, диалог культур, национально-культурные ценности, Россия, ценность, Запад.

Key Words: national-cultural values, cultural dialogue, clash of civilizations, traditions, reforms, freedom, patriotism, Russia, values, the West.

Вопрос о той или иной интерпретации российских культурно-исторических традиций и ценностей неразрывно связан с проблемой «Россия и Запад»¹. Речь идет не о каком-то произвольном «европейском выборе» России, а «о возвращении в Европу, где у России и прежде было достойное место, позволявшее ей раскрыть и сохранить свое национально-культурное лицо. Европа – уникаль-

ная цивилизационная площадка, в которой возможен диалог, причем диалог внутренний, т. е. не с другими, а между своими. И Россия культурная, органически европейская Россия, заняла свою позицию в этом внутриевропейском диалоге»².

Эта идея противостоит популярной сейчас теории «столкновения цивилизаций»³ (The

¹ См.: Домнина Е. Г. Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2013. № 1. С. 173.

² Кара-Мурза А. Россию есть за что любить // Литературная газета. 23–29 января 2002.

³ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.

Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, 1996), автор которой, Самуэль Хантингтон, профессор Гарварда, один из самых блестящих и противоречивых аналитиков, шокировал своими неполиткорректными теориями начиная с 50–60-х гг. XX в.

В 1990-е гг., когда все увлекались идеями Френсиса Фукуямы о полной и окончательной победе идей либеральной демократии в мировом масштабе, Хантингтон вылил на оптимистов холодный душ: на смену конфликту идеологий приходит конфликт различных культур и религий, в его терминологии – identities (1992). Иранский президент Мохаммад Хатами ввел термин «Dialogue between Civilizations» как ответ на «The Clash of Civilizations», и ООН назвала тогда наступающий 2001 г. «Годом диалога цивилизаций». В противовес этой теории идея диалога культур постулирует постоянную внутреннюю борьбу каждой цивилизации со своим собственным варварством. Участившиеся в последнее время расхожие мифы о чудесном возрождении национально-культурных экономик (таких как США в результате «нового курса» президента Ф. Рузвельта в 1933 г., Японии и Западной Германии после Второй мировой войны, Чили при А. Пиночете, китайского «чуда» 1980-х гг., вызывающих особый интерес сегодня в связи с введенными санкциями и нарастающей изоляцией России со стороны Запада) заставляют задуматься: насколько возможна данная модель в России, как поведет себя заемное «чудо» в суровых российских условиях? Очевидно, что никакой универсальной модели успешности не существует. Китайский вариант «чуда», когда страна начала менять траекторию своего развития, зарождался в 1978 г. Тогда Китай по ряду важнейших экономических показателей (по производству ВВП на душу населения, по доле населения, занятого в сельском хозяйстве) напоминал Россию образца 1929 г. При очень низком уровне индустриального развития у Китая в 1990-е гг. была возможность формировать свой частный индустриальный сектор заново, а не вместо старого государственного сектора. В этом заключалось очень важное отличие китайского опыта от российских условий. Что касается Чили, там действительно при Пиночете темпы экономического роста сильно выросли, а уровень бедности снизился, но произошло это отнюдь не благодаря неолиберальному курсу, а вопреки ему. Известный американский ученый Ноам Хомский, автор «хомскианской революции» в лингвисти-

ке и один из ведущих интеллектуалов нашего времени, объясняет это следующими факторами. «После переворота, совершенного Пиночетом в 1973 г., к власти в Чили пришла жесткая диктатура военной хунты. Были приглашены экономисты из Чикагского университета, которым позволили делать все, что они захотят, и Чили превратилось в полицейское государство. В результате деятельности “чикагских мальчиков” страна к началу 1982 г. пережила, может быть, худший экономический кризис в своей истории. Правительству пришлось срочно вмешаться и спасти от банкротства практически весь частный сектор промышленности и банки. Чилийцы называли этот процесс “чилийской дорогой к социализму”. Кончилось тем, что при Пиночете государственный сектор экономики вырос гораздо сильнее, чем прежде. В Чили был просто проведен грандиозный неолиберальный эксперимент. В конце концов военная хунта, которая была уже не в состоянии удерживать ситуацию под контролем, вернула власть гражданским, и в Чили постепенно наступило оздоровление благодаря смешанной экономике. Это оздоровление было названо “чудом свободного рынка”, но фактически экономика выжила благодаря национализации высокоприбыльных корпораций»⁴.

Таким образом, в России сегодня речь может идти, скорее, не о той или иной конкретной модели, а о действительно чрезвычайно значимой проблеме – выявлении прежде всего реальной возможности «встраивания» базовых мировых моделей в наш российский традиционный исторически и культурно унаследованный опыт.

Проблема выявления базовых национально-культурных ценностей давно интересовала ученых, создано множество классификаций и теорий. Наиболее признанным из них является скрупулезное исследование голландского ученого Гирта Хофстеде, создавшего теорию ценностной дифференциации параметров разных культур⁵. Хофстеде утверждает, что ценности – это «a broad tendency to prefer certain states of affairs over others» («общепринятая тенденция отдавать предпочтение тому, а не другому»). Т. е. ценности – вопрос предпочтения. То, что вы предпочитаете, то и составляет ваши ценности.

⁴ Хомский Ноам. Будет так, как скажем мы! Рассуждения о роли США в меняющемся мире. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2013. С. 70.

⁵ Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

В 1997 г. он составил список ценностных бинарных оппозиций, таких как: добро vs. зло; чистое vs. грязное; опасное vs. безопасное; естественное vs. искусственное; красивое vs. уродливое; честное vs. лживое; нормальное vs. ненормальное; логичное vs. парадоксальное; разумное vs. иррациональное; моральное vs. аморальное. Ценности являются сердцевинной каждой культуры.

Хофстеде создал теорию культурных вариаций, получившую название the peeling of an onion – «слои луковицы». Он установил четыре уровня концепта культуры: символы, герои, ритуалы и ценности. 1) Символы (symbols) – первый, внешний слой «луковицы». В нем слова, жесты, объекты могут иметь особое значение, распознаваемое только теми, которые знают эту культуру, т. е. располагают совместным кодом (shared code). К этой категории в лексике относятся слова, означающие флаг, герб, государственные символы, национальную одежду и пр. Этот слой ценностей легче всего освоить чужим (outsiders), и он наименее значим для своих (insiders). 2) Герои (heroes) – термин, обозначающий людей – как знаменитых, так и обычных, реальных или вымышленных, обладающих характеристиками, наиболее почитаемыми в данной культуре. Для северных американцев, например, это А. Линкольн, Дж. Вашингтон, Мартин Лютер Кинг. Для китайцев – Юэ Фэй, Линь Цзэсюй, Вэнь Тансян. Идолы и герои не так очевидны для чужих, как символы. 3) Ритуалы (rituals) – формы коллективной деятельности, считающиеся для данной культуры наиболее значимыми в социальном отношении. Они выполняются не с какой-то целью, а сами по себе. Это повседневные рутинные ритуалы, религиозные, культурные, а также различные праздники, свадьбы и похороны, спортивные олимпиады и соревнования. Их функция – укрепить единство, поднять дух, проявить этническую общность внутри сообщества. Эти три внешних слоя культуры объединены в категорию практики, т. е. того, что люди делают. Они наиболее поддаются наблюдению со стороны. Но сердцевину каждой культуры составляют ценности (values).

Ценности – это социальные принципы, цели, стандарты, принятые в данной конкретной культуре. Они невидимы и не так легко поддаются наблюдению, изучению и усвоению со стороны, легко блокируются «своими» от понимания «чужими». Это наиболее глубинные проявления каждой культуры, которые оказываются самыми трудными для интерпретации. Культурные

ценности делятся на три вида: универсальные, культурно-специфические и индивидуальные. Универсальные культурные ценности являются общими для всех людей. Например, стремление к счастью. Культурно-специфические ценности (cultural-specific values) принадлежат только конкретной культуре. Например, индивидуализм – особенность американской культуры, в то время как большинство стран мира – коллективистские. Индивидуальные ценности выражают сугубо индивидуальные предпочтения индивидумов в каждой культуре. Кроме того, ценности могут быть первичные, вторичные и третичные. Самые важные – первичные, они определяют, ради чего мы способны пожертвовать своей жизнью. Вторичные тоже очень значимы, но не так интенсивно, как первичные. У самого подножия иерархии – третичные ценности.

20 ценностей есть в большинстве культур мира, но их значимость варьируется от культуры к культуре:

- 1) групповая гармония (group harmony),
- 2) конкурентоспособность (competition),
- 3) старшинство (seniority),
- 4) сотрудничество (cooperation),
- 5) приватность (privacy),
- 6) открытость (openness),
- 7) равенство (equality),
- 8) формальность (formality),
- 9) умение рисковать (risk-taking),
- 10) репутация (reputation),
- 11) свобода (freedom),
- 12) безопасность семьи (family security),
- 13) взаимоотношения (relationships),
- 14) опора на собственные силы (self-reliance),
- 15) время (time),
- 16) групповой консенсус, единодушие (group consensus),
- 17) власть (authority),
- 18) материальные блага (material possession),
- 19) духовность (spirituality),
- 20) групповые достижения (group achievement).

Согласно исследованию, проведенному путем опроса представителей разных культур о том, какие из 20 ценностей считать приоритетными, был составлен список из 5 ценностей, который может быть представлен в следующем виде:

- Америка: равенство, свобода, открытость, опора на себя, сотрудничество;
- Швеция: свобода, связи, сотрудничество, семья, открытость;
- Россия: семья, свобода, опора на себя, открытость, собственность;

- Франция: опора на себя, свобода, открытость, связи, время;
- Япония: связи, групповая гармония, семья, свобода, сотрудничество;
- Корея: семья, сотрудничество, связи, групповая гармония, духовность;
- Индонезия: связи, семья, репутация, сотрудничество, групповая гармония;
- Малайзия: семья, групповая гармония, сотрудничество, связи, духовность;
- Филиппины: семья, духовность, репутация, сотрудничество, свобода;
- Китай: равенство, свобода, семья, групповая гармония, сотрудничество;
- Сингапур: связи, семья, открытость, сотрудничество, свобода;
- Таиланд: старшинство, репутация, связи, сотрудничество, власть;
- арабские страны: старшинство, духовность, репутация, семья, власть⁶.

Таким образом, в каждом сообществе устанавливаются стандарты оценки поведенческих моделей. Например, долг гражданина – защищать свою страну. Эта поведенческая ценность универсальна и не подлежит обсуждению. В Китае высочайшей ценностью считается почитание старших, далее следуют преданность дружбе, защита окружающей среды. В Америке и других западных странах превыше всего ценят свободу и отводят высокое место открытости, индивидуализму, опоре на собственные силы. Восточные культуры ценят коллективистские отношения, групповую гармонию, сотрудничество, семью, духовность. Арабы и тайцы больше полагаются на верховные власти. Культурные ценности очень стабильны и если меняются, то медленно, постепенно. Так, например, в Китае, России и многих других коллективистских культурах сейчас происходит постепенное изменение ценностной поведенческой модели, предписывающей всегда слепо следовать заветам старшего поколения. Молодое поколение проявляет себя как все более самоуверенное, индивидуалистское; постепенно одна модель поведения переходит в другую.

В России проблема заимствования и адаптации зарубежного опыта, совмещения его с национальными историко-культурными ценностями и традициями тесно связана с общей темой патриотизма, его различными трактовками,

содержанием, наполнением. Любовь к родине, отчизне всегда относили на Руси к основным духовным и культурным ценностям. Исследователи считают, что трепетное отношение к своей национальности и своей родной стране представляет собой безусловную константу русского этнического сознания, а концепт Родины является ключевым в русской языковой картине мира. Тем не менее в середине 1990-х гг. само слово «патриотизм» среди либералов порой считалось неприличным, даже появилось выражение «эта страна», расширяющее смысловой ряд имен родины и в то же время функционирующее как их прагмоантоним, что является еще одним свидетельством общего кризиса русской идеи патриотизма конца XX в.

Сегодня в России наблюдается всплеск патриотических настроений, вызванный последними политическими событиями. А. А. Кара-Мурза считает, что когда человек становится хозяином своей жизни, он превращается и в хозяина своей собственной страны. В этом смысле, несколько утрируя, можно сказать, что патриотизм – это любовь к своей собственности. Семья человека, корпорация, в которой он работает, – это все его частное пространство. Он его любит потому, что он им владеет. Это элементарная, азбучная вещь в политологии: человек любит то, что он контролирует, что принадлежит ему. Страна, государство, история – это все либеральное частное пространство человека. Кстати, любые экономические реформы, даже если они на каком-то этапе выглядят достаточно жесткими, в конечном счете направлены на благо страны⁷.

Остается проблема: что надо сделать, чтобы слово «патриотизм» перестало быть объектом политических спекуляций и сделалось реальным элементом динамичной духовной жизни общества? Нельзя придумать единое, общее для всех определение этой базовой духовной ценности – патриотизма. «Россия еще очень долго будет оставаться страной со многими мнениями. Сейчас же наша беда не в том, что у нас много точек зрения, а в том, что они не предполагают культурного диалога. В том, что они все направлены на убиение друг друга». Единственное условие: человек должен действовать в пользу России, а не во вред ей, ибо «для общественной жизни России XXI в. вопросы неточного, неполного, неправильного понимания между говорящи-

⁶ Elashmawi & Harris. *Multicultural Management 2000: Essential Cultural Insights for Global Business Success*. Houston, Texas: Gulf Publishing Company, 1998. P. 89-110.

⁷ Кара-Мурза А. В российской истории либералам есть на что опереться // Правое дело. № 11(29). 2002. 15–21 марта.

ми по-русски группами людей и отдельными личностями – среди вопросов фундаментальных»⁸.

Родина для носителей русского языкового сознания персонафицируется в образе любимой женщины (Александр Блок). Любовь, отделяющая Родину от просто «этой страны», пристрастна, и в ней гипертрофирован фактор всепрощенчества в соответствии с платоновским «абсолютным приятием». В аморфность и раздвоенность российского морального сознания, где воровать нехорошо, но можно, а закон противостоит совести, вполне вписывается разделение «большой Родины» на Родину гражданскую, отождествляемую с государством, и Родину этническую, отождествляемую с народом и его культурой. А если в жизни малой родины есть минусы, то они приписываются большой Родине. Построенное на анализе социологических опросов исследование С. Г. Воркачева показывает, что в своей базовой части любовь к Родине как одна из главных русских этнических констант существенных изменений не претерпела. Из ответов респондентов следует, что Родина воспринимается как нечто, существующее извечно, до человека и после него, связь с ней неразрывна, а любовь и готовность прощать встроены в семантику самого слова. Идея патриотизма сохраняет свою мобилизующую силу, однако чувство гордости за нее существенно ослабло. И в добавление к этому возникает требование взаимности со стороны своей гражданской Родины. Налицо «зачатки трансформации патриотизма в лояльность по отношению к ней»⁹. Представления об этнической Родине, обозначаемые именем «Родина», в русском языковом сознании явно превалируют над представлениями о Родине гражданской, обозначаемыми именем «Отечество», в то время как в американском языковом сознании такого разделения вообще нет. Как определяет Оксфордский словарь, «Patriot – one who defends or is zealous for his country's freedom or rights»¹⁰. «Для американца патриотизм – прежде всего гордость за свою гражданскую Родину и защита ее свободы и прав. В полной мере идею патриотизма воплощает лозунг, провозглашенный Джорджем Бушем-старшим

⁸ Милославский И. Г. Кодификация содержательной стороны языкового знака // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2013. № 2. С. 27-37.

⁹ Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: Инфра-М, 2013. С. 135.

¹⁰ The Concise Oxford Dictionary. 4-th edition. Oxford University Press. P. 873.

в феврале 1991 г.: накануне окончания войны в Персидском заливе он гордо заявил, что «мы установим “новый мировой порядок”, главный принцип которого – What we say – goes!» Т. е. «будет так, как скажем мы!»¹¹

«Карнавальное» разоблачение патриотической идеи в конечном итоге никак не меняет общего отношения к ней нашего выбора, основания для которого лежат где-то глубоко в области бессознательного и зависят от так называемых этнических констант.

Теме сохранения национальных традиций, уважения к ним, органично входящей в проблематику патриотического характера как базовой национально-культурной ценности, в России уделялось внимание издавна. Даже в бурные 1990-е гг. в качестве поиска альтернативы либерализму и демократии выдвигалась государственная идеология, в основе которой лежала национальная идея, сводимая к набору особых качеств русского народа, таких как духовность, соборность, коллективизм. Фактически это созвучно со старой уваровской триадой «православие–самодержавие–народность». Таким образом, либералы 1990-х гг. понемногу стали обращаться к традиционным консервативным ценностям, понимая, что Россия именно в силу исторических особенностей – слабости своей бюрократии, традиций, невозможности построения государства западноевропейского типа с высокими налогами (регулярная налоговая система была привнесена татаро-монгольской конницей) – обречена на возрождение в ней консервативных идей и ценностей.

Некоторые современные политологи также убеждены в специфике России, в которой доля населения, адаптировавшаяся к условиям рыночных отношений, значительно ниже, чем в Европе. Помимо резких социальных противоречий нашу страну разрывают диспропорции природно-географического характера. Приходит осознание того, что без направляющей роли государства и в экономике, и в распределении ВВП свободное общество равных возможностей никогда не будет построено. Например, только один Русский Север еще многие десятилетия не сможет выживать без государственной поддержки. Общее мнение гласит, что трудно проводить реформы в России, которая состоит из множества стран, живущих каждая своей особой жизнью.

¹¹ Хомский Ноам. Указ. соч. С. 208.

Представленной выше точке зрения так называемых западников противостоит позиция отечественных почвенников, предлагающая первым делом прекратить «вульгарную западническую интерпретацию России, в основе которой – экономико-центристский, технократический подход к России как к “царству тьмы”, “еще не проснувшемуся обществу”, стране, которую можно будет полюбить только тогда, когда она станет Западом»¹². Необходимо отказаться от иностранных штампов о «загадочной русской душе», сводящих национальное прошлое к «истории русского деспотизма и одновременно русского рабства, холуйства и хамства». История России – это не только история столиц и самодержавных царей. «Эта история была разной: она содержала немало проявлений самодержавного деспотизма и одновременно – примеров европейских реформ». Историю России можно интерпретировать как историю расширения власти бюрократии и как историю расширения России на Восток, историю русской вольницы, бегства от бюрократии. Это была «история освобождения от тотальной централизованной опеки, история регионального самообустройства – не только разрушающего, а укрепляющего русскую идентичность. Богатство национальных ценностей и традиций России, с точки зрения почвенников, в полной мере раскрывается с учетом регионального разнообразия огромной страны. «История России не только многовариантна, но и многоцентрична». Наряду с Москвой были Новгородская и Псковская республики, была Тверь. Примеров подобного рода много. К ним относятся Север, Поволжье, Сибирь. На уровне таких региональных центров между либерализмом и патриотизмом, европеизмом и почвенничеством нет противоречия, все они вырастают из национальной культурной тради-

ции. Одна из главных точек столкновения между сторонниками перечисленных теорий – Великая Отечественная война. Кто есть Сталин – узурпатор-тиран или отец-победитель? В рамках почвенничества предлагается иная интерпретация: «Победу в войне одержал народ, который пусть и неосознанно, но непреклонно защищал свои коренные национально-культурные и духовные ценности: свой дом, свою честь и достоинство, культуру, язык, частное пространство малой родины»¹³. С этого начинался новый исторический этап эволюции на основе собственного опыта, а не на заимствованной извне.

Возвращаясь в сегодняшний день, когда дискуссия между западниками и славянофилами, либералами и почвенниками возобновилась с новой силой и, более того, стала частью современного политического дискурса, все вышеизложенное обретает новую актуальность. Все участники полемики, какие бы принципы они ни отстаивали, не должны забывать те уроки, которые нам преподает отечественная и мировая история. Коротко содержание этого урока в приложении к современной России звучит так: победа лишь одной точки зрения не только обедняет духовную жизнь общества, его культурную палитру, но и в конечном итоге тормозит комплексное развитие страны.

Самое большое в мире государство со сложнейшей тысячелетней историей, шагнув в XXI в., не может сделать выбор в пользу единственной идеологии. Только разумное сплетение традиций и открытости к новому, коллективизма и индивидуальной свободы, патриотизма и ответственности за все, что происходит на планете, отвечает коренным интересам России, страны, самой судьбой обреченной на то, чтобы стабилизировать такой противоречивый и быстро меняющийся современный мир.

Библиография:

1. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: Инфра-М, 2013.
2. Домнина Е. Г. Международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2013. № 1.
3. Кара-Мурза А. В российской истории либералам есть на что опереться // Правое дело. № 11(29). 2002. 15–21 марта.
4. Кара-Мурза А. Нужны ли демократии символы? // Правое дело. № 34(52). 2002. 23–29 августа.
5. Кара-Мурза А. Россию есть за что любить // Литературная газета. 23–29 января 2002.
6. Милославский И. Г. Кодификация содержательной стороны языкового знака // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2013. № 2. С. 27–37.
7. Хомский Ноам. Будет так, как скажем мы! Рассуждения о роли США в меняющемся мире. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013.

¹² Кара-Мурза А. Нужны ли демократии символы? // Правое дело. № 34(52). 2002. 23–29 августа.

¹³ Кара-Мурза А. Россию есть за что любить.

8. Elashmawi & Harris. Multicultural Management 2000: Essential Cultural Insights for Global Business Success. Houston, Texas: Gulf Publishing Company, 1998.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
10. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.

References (transliterated):

1. Vorkachev S. G. Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokul'ture. M.: Infra-M, 2013.
2. Domnina E. G. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Rossiya i Zapad: dialog kul'tur» // Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M., 2013. № 1.
3. Kara-Murza A. V rossiiskoi istorii liberalam est' na chto operet'sya // Pravoe delo. № 11(29). 2002. 15–21 marta.
4. Kara-Murza A. Nuzhny li demokratii simvoly? // Pravoe delo. № 34(52). 2002. 23–29 avgusta.
5. Kara-Murza A. Rossiyu est' za chto lyubit' // Literaturnaya gazeta. 23–29 yanvarya 2002.
6. Miloslavskii I. G. Kodifikatsiya sodержatel'noi storony yazykovogo znaka // Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M., 2013. № 2. S. 27-37.
7. Khomskii Noam. Budet tak, kak skazhem my! Rassuzhdeniya o roli SShA v menyayushchemsya mire. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2013.
8. Elashmawi & Harris. Multicultural Management 2000: Essential Cultural Insights for Global Business Success. Houston, Texas: Gulf Publishing Company, 1998.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
10. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.